

можно. В дальнейшем, но уже слишком поздно, как мы скажем об этом в другом месте, был выработан гораздо лучший устав.

Возвращаясь к характеру нашего Копрара, следует сказать, что он одновременно и человек пронырливый, и тиран; но этот маленький проныра поддерживает переписку с учеными мужами Голландии и Германии — это он-то, вовсе не знающий латыни; этот маленький проныра изваливает па себя уйму дел; хоть я и верю, что он делает все из добрых чувств, все же отлично знаю, что в этом есть и тщеславие и кумовство. Шаплен и Копрар впускают еще кое-кому почтение, но это пенадолго: и если бы Копрар печатался, подобно Шаплену, то от почтения к ним не осталось бы и следа. Оба они, один за другим, переписывались с Бальзаком. Что до Копрара, то он притязает на роль главного типографского корректора. Он взялся напечатать «Беседы Костара с Вуатюром»,⁴ в коих латыни не менее французского, и сердился, когда ему советовали избавиться от этой заботы; был даже случай, когда он, стремясь к похвалам и посвящениям, пожелал править корректуру, набравшую силу по-латыни, обратившись за помощью к своему племяннику, школьнику старших классов.

Что же до тиранического права Копрара, никто, после его жены, не знает о нем столько, сколько знаю я. Он всегда любил говорить, что есть множество молодых людей, кои почитают его своим учителем. Ко мне, не очень-то покладистому, он проник дружбой, и я, со своей стороны, сердечно привязался к нему; но как только Патрю (которого и узнал почти в то же самое время) и я поняли, что мы созданы друг для друга, Копрар возревновал меня, заявив, что другим я важнее более продолжительные визиты, чем ему. Он заядлый педагог и, когда бранится, делает такое сердитое лицо, что смотреть страшно. В одном лишь Шаплен поступал правильно, быть может в силу своего характера: с Копраром он всегда старался держаться на некотором расстоянии, ибо при более близком знакомстве с ним будешь вечно ссориться. У д'Абланкура не раз случались с Копраром размолвки, в частности, из-за того, что он как-то написал Поэту попросту «Королевскому секретарю» вместо «Королевскому советнику и секретарю». Я не собираюсь приводить здесь тысячи мелких подробностей, они ни к чему; да и, кроме того, что произошло под знаком дружбы, разглашению не подлежит.

В семье Копрара тоже было немало раздоров. Его второй брат был крайне неумен; но, ежели бы Копрар так не разыгрывал из себя старшего в роде, на ветхозаветный манер, тот не натворил бы и половины тех сумасбродств, в которых повинен. Это привело Копрара в отчаяние. Молодой брат его жены, по фамилии Мюлсон, которого называют сьер де Барре, влюбился в красивую девушку более знатного происхождения, нежели он сам, и у которой, следовательно, было приличное состояние; Копрар из кожи лез вон, чтобы расстроить эту свадьбу, а когда она состоялась, Копрар со своим вторым зятем и его женою, которые опасая-